

An impressionistic landscape painting with visible brushstrokes. The scene depicts a rocky, mountainous terrain. The upper portion is dominated by dark, moody blues and greys, suggesting a shadowed or overcast sky. Below this, a range of mountains or hills is rendered in warm, golden-yellow and ochre tones, with some areas appearing more brightly lit. The foreground shows dark, textured shapes that could be rocks or dense foliage, painted with thick, expressive brushwork. The overall composition is dynamic and textured, characteristic of Impressionist style.

АНАСТАСИЯ ЦВЕТКОВА

CAMBIA LA VITA

Анастасия Цветкова
Cambia la vita

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17688135
ISBN 9785447443054*

Аннотация

Cambia la vita – изменяющий жизнь. Жизнь Ника и Джима изменится навсегда. Единственный наследник богатого торговца и простой деревенский парень. Что может быть у них общего? Возможно, мечта?

Содержание

Развейтесь, тучи!	5
Семья	9
Прощание	13
Первая неудача	17
Маза	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Cambia la vita

Анастасия Цветкова

© Анастасия Цветкова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Развейтесь, тучи!

Очередной день в маленьком городке Лостим подходил к концу. Спертый воздух, многочисленные чёрные тучи и сильный ветер – все это предвещало сильную грозу. Несмотря на это на улице было много народа. Торговцы изо всех сил пытались продать хоть что-нибудь, женщины стирали бельё, дети играли на улице. Казалось, никто не обращал внимания на разбушевавшуюся погоду.

В таверне за самым дальним столиком расположился молодой человек, лет двадцати семи. Рядом с ним сидел грузный мужчина с проседью в волосах. Он уже раскраснелся от выпитого спиртного и говорил громче, чем следовало бы.

– Барт, ради всего святого, перестань так орать! Всем этим пьянчушкам совсем не обязательно знать о наших торговых планах, – молодой человек презрительно посмотрел на своего спутника, наматывая светлый локон на палец.

– Да, сир... – мужчина на минуту присмирел, а потом вновь продолжил громогласным басом: – Нет, вы только подумайте! Если вы заключите договор с...

– Барт! – парень устало вздохнул. – Лучше просто найди мне проводника, больше от тебя ничего не требуется.

С этими словами он вышел из душного помещения, оставив своего спутника напииваться в одиночестве. Всего лишь несколько месяцев назад сын богатого купца отправился в длительное путешествие. Так, переезжая из города в город, заключая торговые соглашения и поправляя дела родителей, юноша добрался до Лостима, в котором должен был найти проводника и отправиться в последний город-порт Барвиль. Юноша отправился в путь, сопровождаемый Бартом, прислугой отца. Хотя мать и настаивала на охране, отправились они вдвоём. «Незачем им внимание к себе привлекать», – отец был непреклонен. И вот теперь Джим Норвуд, старший сын Териана Норвуда, видный богатый жених, привыкший ни в чем себе не отказывать, тащился по пыльным дорогам, ночевал в вонючих гостиницах... А почему? Потому что папа решил, что пора ему научиться быть самостоятельным.

Стал капать мелкий дождик, но возвращаться Джиму не хотелось. Так он и бродил по городку, не зная толком, куда идёт и что хочет найти. Но спустя минут двадцать, когда шёл уже самый настоящий ливень, а Норвуд промок до нитки, вернуться он уже не мог – он просто не знал дороги назад. Начинаясь настоящая буря, огни никто не зажигал, поэтому парень потерял последнюю надежду вернуться сегодня в свой временный дом. Только блеклый огонёк старого фонаря над крыльцом почти развалившегося дома позволял увидеть хоть что-нибудь в этой буре. Вдруг вдалеке он услышал громкие крики и лай собак. Кто-то не скупился на выражения и желал какому-то воришке «свариться в дьявольском огне». Спустя ещё минуту этот какой-то воришка просто не заметил Джима в кромешной тьме и врезался в него, свалив с ног. Промокший до нитки Норвуд был теперь и весь в грязи.

– Смотри, куда прёшь! – чуть ли не истерически закричал Джим. – Слепой, что ли, совсем? Что мне теперь, грязным с головы до ног расхаживать?! Откуда только такие олухи берутся? Кошмар какой-то.

– Извините, – только и смог ответить беглец на гневную тираду.

– Извините, – передразнил Норвуд. – Извините... Иди отсюда со своими извинениями! Хотя нет, я тебя лучше вон в тот кабак отведу, тебя там просто жаждут увидеть!

В тусклом свете парень сумел увидеть испуганное лицо молодого человека. Тот смотрел на него, не решаясь убежать.

– Чего уставился?

– Ничего... – спустя минуту молчания он продолжил: – А ты чего здесь торчишь?

– Твоё какое дело, вор несчастный? – спросил и тут же пожалел об этом. Попросить бы его проводить до таверны... Да теперь уж что? Сначала наорал, а теперь оскорбил. Кто после этого захочет помогать?

– Я просто подумал, что ты заблудился.

– Я гуляю, – уже не так зло сказал Джим.

– Гуляешь? Ночью, под проливным дождём? – незнакомец усмехнулся: – Тут два варианта: ты либо псих, либо врешь. Хотя я больше склоняюсь к первому.

Поняв, что «псих» отвечать не собирается, парень сказал:

– Тебя проводить?

Два очень сильных чувства боролись в Норвуде – дикое желание высушиться и переодеться в чистое и гордость.

– Тебе куда? Ты меня слышишь? Мистер? – он шелкнул пальцами перед лицом Джима, выводя последнего из ступора.

– В «Горный орёл», – незнакомец присвистнул.

– Да... Далековато ты ушёл. Ну ладно, идём. Кстати, меня Ник зовут.

– Джим, – он пожал протянутую руку.

– Знаешь, в тот кабак возвращаться совсем не обязательно...

Спустя полчаса петляний по улочкам под сопровождение почти несмолкаемого Ника, который говорил все, что взбретет ему в голову, Джим все-таки добрался до гостиницы.

– Ну вот и пришли, – парень указал на покосившееся здание, которое легко было принять за сарай.

– Днём он выглядит лучше... – задумчиво протянул Норвуд.

– Кстати, чуть не забыл! Я буду очень признателен тебе, если никто не узнает, что именно я тебя проводил. Точнее лучше бы вообще никому не знать, что я был там сегодня, лады?

– Чего? – Джим несколько мгновений обдумывал впервые услышанное слово. – Ладно, ладно, никому не скажу.

Они постояли ещё немного под крышей, укрываясь от дождя. Буря и не думала утихать. Подчинившись прорыву совести, Джим спросил:

– Может, зайдешь? Погреешься хоть немного, – Ник благодарно улыбнулся и кивнул.

Быстро пробравшись в отведенную ему комнатку, Джим поспешил избавиться от мокрой и холодной одежды. Он оставил своего спутника на Барта и отправился переодеваться. Уже через несколько минут в комнату вошёл красивый стройный юноша со светлыми, почти белыми волосами до плеч, зачесанными назад. Ник даже подумал, что мог бы легко не увидеть его на снегу, если бы не яркие зелёные глаза, так сильно выделяющиеся на бледном лице. Сам Ник был чуть ли не полная противоположность ему: тёмные короткие взъерошенные волосы, серые глаза, а сам он почти на голову ниже него.

– Сир, что с вами произошло? Кто это? – Барт не мог перестать рассматривать незнакомца.

– Этот юноша спас меня от участи спать на улице, – а потом добавил: – Заплати ему.

– Но... Как же это? Он ведь просто довел...

– Барт! Делай что велено!

Мужчина с явным недовольством, которое он и не пытался скрыть, причитая, протянул Нику пятьдесят гиней. Сказать, что парень был ошарашен – ничего не сказать. «Пятьдесят гиней за такую малость! Да кто же он?» Он смог выдавить только жалкое «Спасибо», хотя радость и благодарность его переполняли. Дела в городке обстояли очень плохо. Чтобы заработать себе на пропитание, нужно было работать не покладая рук. Налоги росли, и горожанам оставалось только надеяться на дальнейшую счастливую жизнь. А тут ему считай даром... Немного поколебавшись, деньги Ник все же принял.

Норвуд оценивающе посмотрел на паренька, которому не дашь больше двадцати, взгляд его задержался на уродливом шраме, который тянулся от левого виска через всю щеку. Джим все-таки сумел побороть любопытство и не спросил откуда этот шрам взялся.

– Скажи, – начал Норвуд, – есть в вашем городке хороший проводник?

– Ну, это смотря куда надо ехать...

– В Барвиль, – Ник рассмеялся. – Что тут смешного?!

– В такую даль тебя тут точно никто не поведет! Шутка ли, месяцев пять ехать! И то, только туда. Кто согласится на незнакомого человека почти год жизни потратить?

– Я заплачу...

– Ха, заплатит он. И сколько ты дашь за год жизни? – он скептически изогнул бровь.

– Сколько нужно, – огрызнулся Джим, – А ты дорогу знаешь?

– Ее все в Лостиме знают, – потом, заметив весёлый взгляд Норвуда, поспешил добавить: – Э, не-е. Я туда не попрусь. Зима скоро, как я обратно? В Барвиль... Знаешь, ты походи, поспрашивай, может, кто и согласится, – парень пожал плечами и собрался было на выход, но Джим остановил его.

– Тебе деньги нужны, так соглашайся. Или ты так и собираешься кабаки обворовывать?

– Я... Ничего я не обворовывал! Всего хорошего, – с этими словами парнишка юркнул за дверь.

– Всего хорошего, – задумчиво повторил Джим. – Барт, найди его завтра.

– Сир, вы же не собираетесь его нанимать? Вы же сами сказали, он вор! Мало ли что он удумает!

– Пусть думает, что хочет. Но он же не дурак, чтобы упускать такой шанс.

Барт не сразу, но согласился на такого проводника, отметив про себя, что сын его хозяина не дружит с головой. Джим, засыпая, думал, сколько же стоит «год жизни» этого воришки.

Дождь постепенно перестал, на небе показалась луна. Ник медленно шёл домой, к реке. Небольшой домик встретил его неярким огоньком, горевшим в окошке. Мать с отцом не спали, они сидели за столом.

– Никки, где ты был? Случилось чего? – его мать, худая, больная женщина, смотрела на него то ли с испугом, то ли с укором.

– Один господин потерялся в буре, я его проводил до дома.

– Проводил он! – отец зло посмотрел на него. – Вон какой молодец, а что должен был пойти к Ларсу на сенокос, забыл? Тебе деньги что, с неба свалиться должны?

Не слушая отца, Ник молча положил на стол гины и так же молча побрел в свой угол.

– Это ещё откуда? Воровать удумал? Пятьдесят! Ты ж где достал-то? – его мать дрожащими руками собрала монеты, и они оба уставились на сына.

– Это мне дал тот господин. И это не на выпивку, понял? Долги отдай! – парень презрительно посмотрел на отца. От него снова пахло спиртным, он снова пропил все деньги. Ник не испытывал ничего, кроме отвращения. Он подошёл к матери: – Почему деньги у него не забрала? Он нас всех в могилу сведет! Ладно я – я уже пропащий, а об Элине и Лори подумала? Не вздумай эти ему отдавать!

Забравшись к себе на нары, Ник укрылся одеялом с головой. Пахло сырым сеном, мокрая одежда облепляла тело. Сколько раз он порывался уехать отсюда? Не сосчитать... Но каждый раз его останавливала единственная мысль: «Не смогут они одни. Должен остаться, помочь.» Парень нащупал в кармане несколько монет. «Пятнадцать – вспомнил Ник, – шестьдесят пять гиней... Этого не хватит, чтобы даже Ларсу отдать, а ведь есть тоже что-то надо» Теперь идея отправиться в Барвиль не казалась ему такой уж и плохой. Особенно, если Джим хорошо заплатит. Но на кого тут все оставить? Решив все обдумать

завтра, Ник вскоре забылся беспокойным сном. Но сквозь дремоту он ещё слышал, как отец пытается выпросить хоть монет пять на очередную бутылку.

Семья

День с утра не задался. Проснувшись, Ник понял, что отец выбил-таки у матери деньги. Осуждая только себя за такую неосторожность, парень отправился к Ларсу: работа сама себя не сделает. Несмотря на вчерашнюю бурю, воздух был спертым и горячим. Тучи рано утром разогнал ветер, и теперь солнце палило нещадно. Работать из-за этого было особенно тяжело. Но Ник понимал, что виноват он сам. Он ведь мог прийти вчера, когда было немного, но все же попрохладней? Конечно, мог. Но не пришёл. Винить было больше некого, и от этого в его душе все больше нарастала злоба. Сейчас, в этом поле, под палящим солнцем, он ненавидел все: и это поле, и солнце, и отца с его долгами, и себя. Больше всего – себя, потому что не мог ничего с этим поделаться. После пяти часов на солнцепеке в нем все более укоренялась идея: «Уеду, убегу! В этот Барвиль проклятый. И разом все проблемы решатся. Отведу этого щегла, да там и останусь.» И, казалось, только-только эта идея им овладеет, только он решится на это, как что-нибудь его возвращало с небес на землю, не давая этой идее затмить его разум. То Элинка прибежала, приносила чистой холодной воды, напоминая, что из-за них с Лори ему нужно остаться, то сам он иногда ловил себя на мысли «А там-то, там-то что? Совсем один там буду...» В такие минуты злоба уходила, а на её место приходила тоска. Так и прошёл целый день, то в злобе, то в тоске. И казалось Нику, что третьего не дано.

А на другом конце города Барт сбился с ног, разыскивая этого воришку. Он ещё до обеда обошел практически все близлежащие кабаки и таверны. И практически везде ему говорили, что Ник работает где придётся, а где он сейчас, никто не знал. Около двух часов мужчина бродил по городу, выслушивая одно и то же. И вот, валясь с ног от усталости, он пришёл в гостиницу, где они взяли комнату.

– Ничего, сир. Может, уехал куда?

– Куда он мог уехать? Сам подумай! А что дома говорят?

– Дома? – Барт удивленно посмотрел на Норвуда.

– Дома. У него дома, – начал распалиться Джим. – Тебе не хватило ума спросить, где он живёт, и сходить к нему?

Мужчина лишь виновато покачал головой. Ему на самом деле не пришло это в голову. Посмотрев на запыхавшегося спутника, Джим молча пошёл на улицу. Если хочешь что-то сделать хорошо, делай сам. Первые кабачки не принесли никакого результата. Только люди начали шушукаться, чего такого Ник натворил, что его разыскивают. На улице Джиму встретился старик, который в лоб спросил:

– Волгана ищите?

– Кого? – кажется, старик не понял такого удивления торговца.

– Волгана, сынишку мельника, – повторил он. – Его сегодня какой-то толстяк искал, теперь вы вот везде спрашиваете.

«Ник», – догадался Джим.

– Да, я ищу. Вы не знаете, где он?

– Как не знать, знаю. Он нынче на сенокос ушёл.

– В такое пекло?

– О, ты городской что ли? Пекло... Что пекло, когда работать надо? Ха, ладно, иди, он ещё там, наверно.

Наскоро объяснив Норвуду, как добраться до поля, старик вдруг спохватился:

– Так ты можешь в «Дубках» его подождать. Ларс все равно там, он и прибежит туда.

Решив, что и правда, лучше Ника подождать в «Дубках», а не искать его в поле, Джим направился к этой таверне. Внутри было много народа. К удивлению Норвуда в помеще-

нии было относительно чисто и прохладно. Расположившись почти у самого входа, он стал ждать. Он все сидел и думал, как уговорить этого паренька проводить его. Конечно, проводника найти не проблема, не проблема и поехать самим, потому что, как они узнали, дорога в город-порт одна и сбиться с неё не получится, но Норвуду почему-то хотелось, чтобы Ник поехал с ними. Скорее всего, потому что ему уже жутко надоел Барт, а так будет ещё один спутник, с которым можно поговорить. Минуты ожидания тянулись бесконечно долго, занять себя было совершенно нечем. Солнце начало двигаться к горизонту, и Джим стал волноваться: не зря ли он тут сидит? Не обманул ли его старик? В тот момент, когда уже спустились сумерки, а парень потерял всякую надежду и собрался уходить, звякнул колокольчик, и на пороге оказался Ник, весь мокрый, в пыли, в траве и пыльце. Он медленно окинул помещение взглядом и остановился на Джиме.

– Привет, а я тут тебя поджидаю, – Джим устало поднялся.

– Что, снова заблудился? Извини, я занят, – как-то зло бросил парень и двинулся к стойке. Норвуд решил подождать, пока Ник разберется с Ларсом, и они смогут нормально поговорить.

Ларс оказался здоровым, как шкаф. Лицо его не отличалось особой красотой, а тёмные сальные волосы и густая щетина едва ли добавляли ему очарования. Джим даже решил, что этот амбал чем-то смахивает на медведя. Заметив издали, что этот мужик начинает откровенно смеяться над Ником, а тот уже зарделся от злости, Норвуд решил подойти поближе и узнать, в чем дело.

– Ладно, малек, держи свои честно заработанные гины и вали отсюда, а то ты своим видом мне всех посетителей распугаешь, – толстяк протянул Волгану несколько монет.

– Семь? – неожиданно громко воскликнул паренек. – Только семь? Ты обещал вдвое больше.

– А ты обещал прийти вчера, – все с таким же насмешливым видом говорил Ларс.

– У меня было время до воскресенья, а сегодня только среда! – Джим и представить не мог, что вчерашний весёлый мальчишка может быть таким злым.

– Так, все, выметайся, – Ник не двинулся с места. – Пошёл вон, кому говорю?

– Я же не для себя, – теперь уже не со злобой, а с мольбой пробубнил парень.

– А мне какое дело? – Ларс схватил сопротивляющегося Ника за плечо и потащил к выходу. Норвуд поспешил за ними. Уже у самого входа, когда мужчина вытолкнул Волгана из таверны, а Джим прошмыгнул мимо «шкафа», Ларс расхохотался:

– Вот, смотри, и твой дружок тут! Часа четыре тебя ждал, не меньше.

А когда Ник стал отходить от «Дубков», он крикнул ему в спину:

– Твой батя заходил, просил в долг ещё тридцать гиней! – парень резко обернулся, в его глазах читалось беспокойство, а Ларс только зло рассмеялся. И уже закрывая дверь сказал: – Ну как отказать человеку?

Лицо Волгана переменялось. Непонятно было, что оно выражает: и досаду, и злобу, и дикую усталость. Вдруг он, будто вспомнив о Джиме, повернулся к нему.

– Четыре часа? – безразлично спросил Ник. – Тебе что, заняться больше нечем?

Но не успел Норвуд ответить, как к ним подбежал мальчик, на вид лет десяти, худой, растрепанный, в рубахе, которая была ему велика.

– Ник! Ник! – он, запыхавшийся, еле добежал до них. – Там... Батя... А Элинка плачет, а папка заставляет ее за чем-то в таверну идти, говорит, к мужикам. И мамка тоже...

Даже не дослушав мальчика, парень рванул к дому. Джим, не зная, что делать, как вкопанный стоял на месте. Мальчик подошёл к нему и дернул за руку. Норвуд посмотрел в детские глаза, полные слёз.

– Помогите, – устало попросил мальчик, – помогите Нику. Мы у реки живём, рядом с мельницей.

Отрешенно посмотрев на мальчика, Джим, наконец, понял, о чем он говорил, и зачем Элинке идти в таверну. Добежав до поля, Джим заметил впереди Ника. Норвуд кричал ему, чтобы тот подождал, и парень все-таки его услышал. В дом они зашли вместе. В самом углу, на лавке, свернувшись калачиком, лежала совсем молодая девушка, закрывая лицо руками. Отец пытался их от лица отнять и постоянно кричал, а мать смотрела на все это из-за стола. Вне себя от ярости Ник в два счёта добрался до лавки и оторвал пьяного отца от бедной девушки.

– Ты совсем из ума выжил?! – мужчина все ещё пытался прорваться к дочери, но Ник держал его крепко. Он тут же крикнул Элине: – Марш к Питу!

Девушка испуганно встала с лавки и, шатаясь, направилась к выходу. Она бы упала, если бы Джим не подхватил ее. Она всхлипнула, пробормотала «спасибо» и удалилась из дома. Все внимание Норвуда переключилось на взбешенного Ника. Джим понимал, что случайно становится свидетелем слишком личной сцены, но не мог заставить себя уйти. Как только дверь за девушкой закрылась, Волган отпустил отца.

– Ты совсем с ума сошёл?! Это же твоя родная дочь! Решил сделаться отцом проститутки? – он поморщился при этом слове, – bravo!

– Это не твоё дело!

– Ах, не моё! Тогда вот тебе моё дело: тридцать гиней! О чем ты думал? Чем ты будешь отдавать? А, да! Ты же дочь по жёлтому билету отправляешь, как я мог забыть? А ты, – он посмотрел на мать, – ты же мать!

– А что в этом такого, Никки? – она с искренним удивлением посмотрела на сына. И от этого Ник взбесился ещё сильнее.

– Ты вместе с ним напилась, что ли?! – отец тихо подошёл сбоку и отвесил ему сильную пощечину.

– Не семей так разговаривать с матерью! Мои дети, что хочу, то и делаю! А ты, – он ткнул пальцем ему в грудь, – здесь никто. Пойдёт Элина, куда скажу, и сделает все то, что повелю! А будешь мешать, из дому вышвырну, как собаку облезлую! Понял?!

Парень молча развернулся и вышел из дома. Джим медленно вышел следом. Притворив дверь он оглянулся по сторонам – Волгана нигде не было. Взгляд его зацепился за речку. Джиму вдруг пришло в голову, что парнишка мог просто не выдержать, а обрывы здесь высокие... Как подтверждение он заметил силуэт, со всех ног несущийся к воде.

– Ник! – Норвуд бросился за ним, не прекращая звать его.

Только у самого обрыва он смог догнать воришку. Крепко схватив его поперёк живота, Джим оттащил его от края.

– Пусти! Отвали, Джим! – Ник не переставал брыкаться и пытаться вырваться из цепких рук.

– Обязательно, как только успокоишься.

К удивлению Норвуда, парень быстро уgomонился. Джим расцепил руки, все ещё опасаясь за Волгана. Но тот, похоже, уже и не думал бежать. В нем будто что-то сломалось, и он в бессилии опустил на траву, закрыв лицо руками.

– Не могу больше, не могу, – пробормотал он. И тут же затрясся в беззвучных рыданиях. Ник не знал, что в нем сильнее: злость и обида, вырывавшиеся наружу так много времени, или стыд перед Джимом за то, что он такой слабый.

Джим, ничего не отвечая, сел рядом с обессиленным парнем. Солнце уже давно зашло, и Джим вскоре почувствовал, что Ника трясет.

– Я, блин, для него пашу, как ломовая лошадь, всю жизнь свою угробил, а он! Хоть бы раз поблагодарили! Ой, Джим, – он ухватился за его рукав.

– Что, только сейчас заметил, что я здесь? – грустно усмехнулся Норвуд.

– Нет. Боже, я ведь и деньги, которые ты мне дал, тоже им отдал, – Ник смотрел на него с таким отчаянием, что Джим не выдержал.

– Что ж теперь? Ты же ни в чем не виноват.

– Я не хотел, чтобы... Так все...

Волган закрыл лицо руками, но уже не плакал. Джим лишь глубоко вздохнул и посмотрел на небо. Только россыпь молчаливых звёзд вместе с Норвудом была свидетелем этой слабости Ника. Когда последний окончательно успокоился, Джим как-то уж совсем невпопад сказал:

– От тебя травой и цветами пахнет.

А Ник засмеялся. Не затравленно, не горько усмехнулся, а именно засмеялся, весело настолько, насколько было возможно в этой ситуации, повалившись на густую траву. И от этого смеха Джиму стало легче.

Прощание

– Зайдешь? – то ли спрашивал, то ли утверждал Джим, стоя перед входом в гостиницу.

До гостиницы шли молча, поэтому мягкий голос Норвуда прогремел как гром среди ночной тишины. Ник думал обо всем происходящем и не мог принять нормального решения, Джим пытался сопоставить все факты об этом человеке, которые он узнал сегодня вечером, поэтому говорить что-либо и не нужно было. Парень пытался понять, что происходит в семье Волгана, кто такой Пит и почему Ник взял обещание с мальчишки, который за ним прибежал, не возвращаться домой, а идти к этому Питу. Но, к чему бы не приходил Джим, он был рад, что спас паренька.

– Да, – Ник, не поднимая глаз, прошёл внутрь.

В комнате, как только молодые люди зашли, к ним подскочил Барт.

– Сир, где же вы были? Ушли, ничего не сказали! А если бы что-нибудь случилось? – вдруг, кинув гневный взгляд на Волгана, он разгорячился ещё сильнее: – А если бы он вас убил? Зарезал бы?

– Барт, бога ради, перестань, – Джим презрительно поморщился.

– А что? Вы знаете, что о нем в городе говорят? Вор! Это надо! Зачем вы его привели? Зарезал бы вас, деньги украл, и ищи его потом, как ветра в поле!

– Барт, прекрати! – злой крик немного угасил пыл прислуги. Норвуд бросил быстрый взгляд в сторону Ника. Тот собрался было уйти, чтобы не слушать поток ненависти в свой адрес, но Джим резко сказал, не совладав с эмоциями: – Стоять!

Ник от неожиданности встал как вкопанный, не решаясь ни закрыть дверь и вернуться в комнату, ни окончательно выйти. Джим подошёл к нему, буквально затащил его в комнатку и демонстративно хлопнул дверью. И Ник, и Барт ошарашенно смотрели на него.

– Он будет ночевать сегодня у нас, нравится тебе это или нет, – мужчина хотел было что-то возразить, но передумал.

– Джим, право, не стоит.

– Я обещал, что тебе будет где ночевать? Так не надо тут возмущаться, – Норвуд легко хлопнул Ника по плечу.

Почти полчаса Барт не спускал с Волгана глаз, он постоянно искал подвох. Ему все казалось, что вот сейчас парень выхватит откуда-нибудь нож и перережет им горло. Естественно, у Ника и в мыслях этого не было. Он с неприязнью поглядывал на толстенького мужчину, усердно пытающегося оградить Джима от него. Пожалуй, этот мужчина был сейчас единственным минусом в долгой поездке к городу-порту. Волган с волнением ждал той минуты, когда Норвуд заговорит о ней. Парень не сомневался, что именно ради этого Джим ждал его четыре часа в таверне. И вот, когда уже перевалило за полночь, торговец все-таки заговорил, но совсем о другом.

– Что у вас там дома происходит? – Ник покосился на Барта, но Джим поспешил заверить: – Не бойся, он никому ничего не скажет.

– Да что больно рассказывать? У отца долги, я пытаюсь их отдать. Ничего интересного, – он потупил глаза, ему не хотелось открывать душу почти незнакомому человеку.

– И какой долг? Ответ «большой» не принимается.

– Почти две тысячи, – пробубнил Ник. Глядя на задумчивое лицо своего хозяина, Барт вспыллил.

– Он вам сейчас наговорит! – но, поймав испепеляющий взгляд Норвуда, замолчал.

– Две тысячи... А за год ты сколько зарабатываешь?

– Гиней пятьсот... Может, и быстро бы отдал, да ведь налоги платить ещё надо.

– Давай так, я нанимаю тебя проводником и плачу вдвое больше, чем ты заработаешь за год. И для тебя будут одни плюсы: в дороге все расходы на меня, а на руки тебе три тысячи.

Ник, который пил до этого воду, поперхнулся. Покашляв, он хриплым голосом переспросил:

– Три?! – Джим кивнул. Барт только пролепетал «Совсем с ума сошёл», а Ник, усмехнувшись, продолжил: – Ты что, считать не умеешь? А ещё торговец...

– Как это не умею? – Норвуд уже откровенно смеялся над смущенным парнем. – Все правильно: две тысячи отцовский долг, тысячу за работу – три и выходит.

– Ага, это ты собираешься за нашу семью расхлебывать? – на лице Ника ясно выразилось недоверие. – Тебе денег девать некуда?

– А, считай, что так, – Джим лишь устало махнул рукой. За свою жизнь он видел много нуждающихся семей, в которых дети пытались исправить положение. И очень часто просто погибали от такой жизни. Джим не хотел, чтобы и с Ником или с Элиной приключилось подобное. – Завтра подъем рано утром, поэтому всем спать.

Ник расположился на лавке около двери, он свернулся калачиком и вскоре уснул, думая, что Норвуд – настоящий псих. В отличие от него, Барт был в этом абсолютно уверен. Мужчина практически сразу заговорил:

– Сир, что же вы делаете?

– А что такого? Я нанял нам проводника, – Джим потянулся и направился к своей кровати.

– Сир, я не перестану вас убеждать, что этот парень опасен! Вы знаете, что нам идти через лес? Заведет нас в чащобу да бросит там или зарежет.

– Барт, – Норвуд сел на кровати и со злостью уставился на прислугу, – если ты ещё хоть раз заведешь эту песню, ей-богу, тебя зарежу я.

С этими словами он укрылся одеялом и отвернулся к стене.

Подъем был, как и обещал Джим, утром. С ранних часов все трое готовились к поездке. Пока Барт собирал вещи, Норвуд вручил Нику деньги, и они отправились в город, заходя чуть ли не в каждый дом. Таверну Ларса оставили «на десерт». Уже ближе к полудню они освободились и направились напрямик в «Дубки». Ларс стоял возле таверны, окруженный десятком нетрезвых людей, и с кем-то увлеченно спорил. На появление Ника он отреагировал очень бурно:

– О, опять ты? Парниша, июнь к концу уже подходит, а выплатить все обязался ещё весной. Непорядок... – мужчина под весёлый гул толпы подошёл к Нику и, оскалив свои неровные жёлтые зубы, спросил: – Как мы будем решать этот вопрос?

– Сколько я должен?

– Память-то девичья! Четыре сотни, вместе со вчерашним.

Парень отсчитал купюры и протянул их Ларсу. Тот лишь глупо моргал, открыв рот. Зато в душе Джима зарождалось настоящее веселье от того, что этот медведь выглядит так, будто Ник ему свой дом дарит.

– Это что же? Как же? Откуда! Кого ограбил? – мужчина с ужасом посмотрел на Волгана.

– Тебе какая разница? – парень думал было не привлекать много внимания, но потом решил посмеяться напоследок. – Торговец какой-то мимо Лостима проезжал, я хотел похорошему деньги отобрать, а он ни в какую! – толпа умолкла и стала напряженно слушать. – Ну и я нож в горло ему воткнул. А у него, представляешь, почти две тысячи в карманах было! Будешь брать-то или нет?

Ник сунул деньги в руки Ларса и, улыбаясь, пошёл к дому: личные приготовления никто не отменял. Джим вызвался помочь «если что» и пошёл с ним. При свете дня покосившийся домик выглядел убого: крыша пошла трещинами, что приводило к потопу во время

дождя; срубовые стены, некогда бывшие надёжной защитой от любых ветров и холодов, теперь во многих местах прогнили. Этот домишко больше напоминал старый заброшенный амбар, чем жилой дом. Джим и предположить не мог, что все настолько плохо. А Ник тем временем думал, как сообщить родителям о своём намерении уехать на год. Тяжёлая дверь со скрипом поддавалась, и парни вошли в дом. Дома был только отец, похрапывающий на лавке. Волган решил не будить лихо, пока оно тихо, и осторожно ступая на определённые доски, чтобы не скрипели, направился к своему углу. Норвуд осмотрелся. Внутри было только необходимое: несколько лавок, массивный стол, который явно разменял десяток седьмой, пара стульев и нары. Но, правда, многие вещи разглядеть не удалось, они были в тёмных углах, в которые не проникал свет из маленьких окошек. У Джима возникло непреодолимое желание поскорее покинуть это помещение. На его счастье, Ник уже сложил свои скромные пожитки в седельную сумку и направился к двери.

– Что теперь? – шепотом спросил Норвуд и посмотрел на парня пытливым взглядом.

– Теперь мы идём к Харли, – они быстро вышли, но, к их огромнейшему сожалению, дверь закрылась с громким стуком прямо за их спинами. – Чудесно! Надеюсь, он не проснулся.

Харли оказался поджарым вороно-пегим конем. Джим лишь удивленно вытаращил глаза.

– У тебя есть лошадь?!

– Ну, как видишь, – Ник усмехнулся, заседлав коня и прицепив седельную сумку, он сказал: – Я взял его пять лет назад ещё жеребенком...

Тут в конюшню, в которой сейчас из лошадей находился только Харли, ворвался отец. В его голубых глазах плескалась злорада.

– Куда намылился?

– Тебе-то какое дело? Долги все твои я выплатил, совесть моя чиста, могу ехать, куда захочу.

– Вот значит как? Выплатил! – он сорвался на крик: – С чего ты выплатил-то? Этот щегол денег дал? А ты ему что? Позоришься сам, так и семью позоришь!

– Единственный, кто позорит нашу семью, это ты.

– Ах, вот как заговорил, неблагодарная сволочь?

Джим, молчавший все это время, не выдержал:

– С чего вы взяли, что он позорился? Я заплатил ему за работу. Теперь удерживать его вы не имеете права, он должен отработать эти деньги, – было видно, как ему тяжело просто не высказать мужчине все, что он о нем думает. – На мой взгляд, вопрос исчерпан. До свидания. Хотя нет, прощайте.

Они скользнули на улицу мимо ошеломленного отца Ника и направились в неизвестную для Джима сторону. Немного попетляв по городу, они добрались до небольшого аккуратного домика. Волган постучался, дверь ему открыл крепкий рыжеватый парень с болотистыми глазами. За его спиной появилась Элина. Она бросилась Нику на шею, сжимая его в крепких объятиях. Джим тактично удалился, чтобы те смогли спокойно поговорить.

– Никки, я слышала, тебя отец выгнал, прости, – тут она увидела Харли, – а ты куда?

– Элина, послушай меня внимательно, – Ник взял ее за руки, – я уезжаю на год. Мне нужно проводить одного человека в Барвиль. Не волнуйся, я обязательно вернусь.

Волган оставил Элине оставшиеся деньги, а это было чуть больше тысячи – огромная для них сумма. Девушка долго обнимала его, давая в себе горькие слёзы. Потом она, будто очнувшись, сняла цепочку со своей тонкой шеи и надела ее на брата.

– Это на удачу, – тихо сказала она. Подвеска, небольшой серебряный четырехлистный клевер, блестела на солнце.

Ник пожал Питу руку, рыжеватый парень был именно им, тот заверил, что Лори останется у них. Покидали двор в самом печальном расположении духа. Парень бережно спрятав клевер под рубаху и ещё долго не отнимал руки от груди.

Последние приготовления были завершены уже к трём часам дня. Вопреки ожиданию Ника, было решено выдвигаться прямо сейчас. Джим не хотел медлить ни минуты. Его серый жеребец Сивый и рыжая лошадь Барта Раста были в полной готовности: за время отсутствия молодых людей мужчина успел подготовиться к дороге. Сев на коня, Ник в последний раз окинул взглядом такой родной Лостим. Он легонько похлопал Харли по мускулистой шее, и путники тронулись в путь. Так, в четвёртом часу дня, их маленький отряд покинул город.

Первая неудача

Как только путники покинули город, Ник расписал им маршрут, обращаясь преимущественно к Джиму:

– Видишь, река уходит прямо к горизонту? Будем идти по течению, а потом, когда она свернет вправо, перейдем на другой берег. Там был мост, не знаю, остался он или нет. После изгиба из этой реки выходит другая, Вирна. Пройдем немного рядом с ней. Она затем уходит в лес, а нам этот лес огибать. Поэтому о воде можешь пока не беспокоиться.

После этого молчали до вечера. Барт был ужасно зол из-за их проводника, Нику было не до разговоров: все его мысли возвращались к дому и к матери, с которой он так и не попрощался. Джима вскоре стала угнетать тишина и мерный стук копыт, но найти тем для разговора он не мог.

Канька, извиваясь, уходила к горизонту, сочная зелёная трава в некоторых местах была такой высокой, что доходила лошадям до брюха. Кругом не было ни единого дерева, ни единого холма, лишь ровная степь с яркими полевыми цветами. Однообразие пейзажа и медленное продвижение вперёд утомили не только Джима, но и Ника. Когда на горизонте появилась небольшая роща, Волган повернулся к Джиму:

– Давай, кто быстрее до рощи? – Норвуд рассмеялся и пустил лошадь наёмом. Ник помчался следом. И только недоумевающий Барт ехал так же медленно и смотрел вслед быстро удаляющимся силуэтам. Немного подумав, он пустил Расту лёгкой рысью, даже не стремясь догнать ребят.

Ветер свистел в ушах, бил по лицу, слезились глаза, но никто и не думал замедлить ход. Сердца молодых людей захватил азарт, каждый хотел победить. Скакали долго, лошади уже вспотели и устали, но все равно рвались вперёд. К «финишу» быстрее прискакал Ник. Он резво спрыгнул на землю и, поглаживая своего коня, с улыбкой подошёл к Норвуду. У того от быстрой скачки растрепались волосы, и теперь он больше напоминал чучело.

– Ужас, Джим, на кого ты похож? – парень никак не мог успокоиться и теперь уже смеялся в голос. – Ещё и обогнать нас не смог, ты же первый рванул.

– Зато мой намного выносливей твоего, – с некоторым торжеством сказал Джим, поглядывая на тяжело дышащего Харли и спокойно стоящего рядом Сивого.

– Да, поэтому ему нужен отдых: остаемся тут на ночь, – отрезал Ник. – А где твой чудовищный слуга?

Оба оглянулись назад. Вдалеке, в лучах закатного солнца, медленно ехал всадник.

– Красиво! Хоть картину пиши, – усмехнулся Волган. Джим лишь хмыкнул, достал из сумки деревянный гребень и пошёл к берегу. – Эй, ты куда?

– Не хочу быть чучелом. А ты костёр хотя бы разведи.

Когда уже спустились сумерки, Барт присоединился к парням, сидящим у огня. Ник уже успел напоить коней, собрать хворост и развести костёр, а Джим все пытался привести в порядок свою голову. Березы бросали на землю причудливые тени, тихо щебетали птицы, жар от огня скоро разморил Волгана, и он, наскоро перекусив, расположился около поваленного дерева, используя его крону как подушку.

– Ну, всем приятных снов, – через несколько минут парнишка уже сладко спал.

– Нет, – с чего-то вдруг сказал Джим, взглянув на Барта, – даже не думай.

Это, конечно, относилось к извечным разговорам об опасности воришки. Мужчина это понял и с досадой причитал:

– Не думать? Вот увидите, проснемся, а его не будет.

– Посмотрим, – отмахнулся Норвуд, почему-то уверенный в Нике.

Тёплые ласковые лучи утреннего солнца падали прямо на глаза, весело пели птицы, радуясь новому дню, сладко пахло цветами. И во всю эту идиллию едва ли вписывался громкий хриплый крик Барта.

– Сир! Сбежал! Нету его! – мужчина потряс Джима за плечо, и тот открыл глаза.

– Кого нету?

– Вора вашего! – Норвуд резко вскочил на ноги и огляделся по сторонам. – Я же говорил вам!

– Во-первых, прекрати орать. А во-вторых, подумай! Он что, пешком ушёл? Вон Харли, там его вещи. Или ты думаешь, он бы оставил свою единственную лошадь? Идиот, – настроение моментально упало. И тут со спины раздался голос.

– Вы чего орёте с утра пораньше? – Ник удивленно смотрел на спутников и держал в руках небольшой холщовый мешок.

– И где ты был? – с упреком спросил Джим. Волган лишь молча протянул им мешочек с чем-то красным. Присмотревшись, парень понял, что это ягоды. Он уже было потянулся, чтобы взять одну, но его прервал голос слуги.

– Отравить решил! – на такое заявление Ник рассмеялся. – Чего усмехаешься?

– Вот это дубина! Вы где такого нашли? Лесную клубнику уже не узнает, – с этими словами парнишка невозмутимо отправил пару ягод себе в рот, – если бы я хотел вас отравить, принёс бы вам волчанку, а она ещё не поспела.

– Волчанку? – Джим посмотрел на Ника так, будто тот сказал что-то неприличное.

– Ну, на востоке ее называют волчьей ягодой, на севере вообще – лисьей. Маленькие такие, красные, на кустах с желтыми листьями растёт, – он протянул мешок Норвуду. – Так ты будешь или нет? Я зря собирал, что ли? Они вкусные, – он сказал это с такой детской обидой в голосе, что Джим не мог не улыбнуться.

Ягоды ему и в самом деле понравились. Сладкие и нежные, они напомнили ему, как он ещё мальчишкой бегал за ягодами в лес. Барт, как его ни упрасивали, не съел ни одной. Вскоре тронулись в путь. Постепенно берега становились все круче, обрывы – выше. Уже ближе к вечеру у Джима в голове сформировался вопрос, мучивший его уже несколько дней.

– Почему я городской? – вопрос этот прозвучал так неожиданно, что его спутники даже растерялись.

– Потому что вы родились в городе, сир, – немного испуганно сказал Барт, Ник лишь тихо прыснул от смеха.

– Да я не о том, – нахмурился парень, – Ник, в Лостиме один старик назвал меня городским. Но разве Лостим – не город?

– А, ты в этом смысле... Ну, ты видел же другие города? Большие, с множеством улиц и высоких красивых домов, там нет полей, пахоты, скота. Это все в окрестных деревнях. А у нас? Согласись, Лостим больше похож на деревню, чем на город, – ответ этот был настолько простым, что Джим просто проклял себя за непроходимую глупость, – А зачем тебе в Барвиль? Мне друг говорил, там нет ничего интересного, только порты да корабли сплошные.

– По работе, – отрезал Барт.

Так, однообразно проходили дни, молодые люди говорили обо всякой ерунде, отношение Барта к Нику не менялось, за что его постоянно журил Джим. Небольшие словесные перепалки между мужчиной и Волганом стали обычным делом. Постепенно Джим и Ник привыкли друг к другу: Джим привык, что Волган общается с ним как с равным, иногда грубовато, Ник привык к частым перепадам настроения и вспыльчивости Норвуда. Когда попадались небольшие рощицы, Ник собирал клубнику. После одной такой вылазки парень пообещал отвести Джима к холмам, сплошь покрытым дикой вишней. «Мы потеряем всего один день, зато вишни наедемся», – против такого Норвуд и противопоставить ничего не мог.

И вот, оставив Барта около реки, они стали собираться к холмам. От предостерегающих речей прислуги Джим отмахивался.

Когда отъехали достаточно далеко, Ник с горечью спросил:

– И почему он меня так ненавидит? Что я ему сделал? – вопрос его, направленный в никуда, остался без ответа.

К полудню добрались до вишни. Парни оставили лошадей пастись в поле, а сами начали подъём по крутым холмам. Взобравшись на вершину, Джим замер от захватывающего дух зрелища. Весь холм был покрыт кустами, доходившими парням до пояса и красными от ягод; мелкие ящерики сновали туда и сюда в густой траве; кругом, куда только мог достать взгляд, колосилась золотистая рожь; совсем вдалеке, направо от их маршрута, зеленел густой сосновый лес; впереди их ждали огромные цветочные поля и пасеки; хорошо было видно извивающуюся Каньку, блестящую на солнце.

– Здорово, правда? – Волган, довольный, что смог удивить Джима, протянул ему пару ягод. – На, попробуй.

Вишня была кисло-сладкой, вязала язык, но очень вкусной. Наевшись до отвала, ребята повалились на траву. Возвращаться не хотелось. Вообще не хотелось уходить отсюда. Перед глазами Джима вдруг предстала Элина, красивая русая девушка с серо-голубыми глазами, чуть ли ни как две капли воды, похожая на Ника.

– А кто такой Пит? – Норвуд повернулся к Нику, тот нежился на солнце, забавно щурясь.

– Не, ты и так больно много обо мне знаешь. Это не честно, потому что я о тебе не знаю вообще ничего.

– А что ты хочешь знать? – Джим едва сдерживал рвущийся наружу смех: он никак не мог привыкнуть к тому, с какой детской и наивной обидой говорит его проводник. – Давай так, будем задавать друг другу вопросы по очереди. Идёт?

– Идёт, – Ник наконец-то повернулся лицом к собеседнику, обрадованный, что они могут поговорить без Барта. – Зачем тебе на самом деле в Барвиле?

– Родители решили туда переехать. Мне нужно там быть до зимы. Так кто же такой Пит?

– Жених Элины. А у тебя есть невеста?

– Нет, – честно ответил Джим, – ни невесты, ни друзей. Увы...

– Прости, – Ник потупил взгляд, а потом удивленно всмотрелся в лицо Норвуда. – Сколько тебе лет? Тридцать?

– Двадцать пять, а тебе-то что? – из-за обычного вопроса про невесту упало настроение. Быть одиноким никому не нравится.

– Знаешь, давай убирай свою грустную мину, а то в реку сброшу.

– Силенок хватит? – с издевкой в голосе спросил Джим. – Чтобы двадцатилетний мальчишка скинул меня в реку?

– А вот увидишь! И вообще, мне двадцать три!

– Невелика разница, – и после минутного молчания продолжил: – Двадцать три?!

А глаза детские... Как так?

– Вот так, – улыбнулся Ник.

– А ты раньше бывал в Барвиле?

– Да, но очень давно. Меня на службу туда отправили, а как только попал в город, отправили обратно. Говорят, не нужны им там деревенские... Даже город не дали посмотреть, чуть ли не пинками выгоняли. Знаешь, я тогда в лес забрёл и заблудился. Мне маг помог выбраться.

– Кто? – Джим не смог сдержать смеха. – Кошмар, Ник, ты уже не ребёнок, чтобы верить в сказки.

– Никакие это не сказки! Чего ты ржешь? Он правда был. Создал огонёк, он и вывел меня на дорогу.

– Да-да, конечно. Скажи, он перед этим не напоил тебя? Добрый волшебник. Может он привиделся тебе, когда ты с отцом напился? – Норвуд продолжал смеяться, не веря в «доброе волшебника». И только когда он успокоился, заметил безразличный взгляд Волгана, устремленный в горизонт. И только сейчас Джим понял, что неслабо нагадил в только-только начавшую открываться ему душу. – Эй, Ник, – он осторожно дотронулся до его плеча, – я это... Не подумав, ляпнул. Прости?

– Угу, – вдруг Волган резко вскочил на ноги. – Гурды. В сторону Барта скачут. Бежим! – Ник потянул Джима за руку, помогая встать. В его глазах плескался страх.

– Да ты чего?

– Вставай говорю! опередить их надо.

Сбежав с холма, быстро вскочили на лошадей, и Норвуд послушно погнал коня за Ником, плохо представляя, кто такие эти гурды. Барт ещё издали заметил мчащихся на всех парах товарищей. Ник, не спешиваясь, крикнул мужчине:

– Садись на Расту, нужно ехать дальше.

– Куда дальше? На лошадей посмотри, взмокли все! – не успел мужчина продолжить свою тираду, как раздался звук рога.

– Не доедем до нормального спуска к воде, больше их не увидим. Повезёт, если вообще потом смотреть сможем!

Гурды, кочевые разбойники, заработали себе славу безжалостных головорезов. Если им на пути встречались всадники, они либо убивали их, медленно и мучительно, будто наслаждаясь предсмертными криками и стонами, либо просто издевались над ними, оставляя их калеками, а их лошадей забирали себе, если лошади были молодые и крепкие, если нет – убивали. Так, гурды жили грабежом и разбоем, вселяя в сердца путников ужас.

Замысел Ника был до невозможности прост: перебраться на ту сторону Каньки и спрятаться в одном из многочисленных оврагов. Минут пятнадцать бешеной скачки и они уже были у ровного спуска. Джим напряженно прислушался: до них доносился стук копыт. Ещё раз протрубил рог.

– Но! Пошёл! – Волган погнал коня прямо в воду.

Канька бурлила, словно горная река, окатывая Харли и Ника с головой, хотя воды было скакуну по брюхо. Джим и Барт двинулись следом. Ширина была небольшая, не больше пятидесяти метров, но течение было очень сильным. Камни вырывало из-под копыт, лошадей понемногу сносило по течению. Как только перебрались на другой берег, спешили. Лошади недовольно фырчали, трясая мокрыми головами, нервно переступали с ноги на ногу. Волган тревожно всматривался в противоположный берег. На небольшом обрыве показался всадник на вороном коне. Он что-то весело закричал и махнул рукой прямо на них. Но когда к нему присоединились другие разбойники, на берегу никого не было.

Троица пробиралась сквозь густые заросли, ведя лошадей на поводу. Шли как можно быстрее, опасаясь погони. Несмотря на бьющие по лицу ветки высоких кустарников, постоянные кочки и ямы, отряд медленно пробирался вперёд. Рог больше не звучал, не было слышно голосов и звуков скачки. Только тяжёлое дыхание трёх лошадей и их хозяев.

– Я больше не могу, – Барт тяжело опустился на землю, часто дыша. – Мне уж не восемнадцать лет.

Лошади тоже отказывались идти дальше, утомленные быстрой скачкой и тяжёлым переходом через Каньку. Ник похлопал Харли по шее и расседлал его. Джим последовал его примеру. Расту расседлал Ник.

– Переждем ночь здесь, – высказал общую мысль Джим.

Практически все содержимое сумок вымокло до нитки, оставляя путников без еды: хлеб превратился в кашу, как, в прочем, и все остальное. Долго спорили, разводиться костёр или нет. В итоге Ник сказал, что если бы гурды перебрались через Каньку, уже были бы здесь почти полчаса назад. На том и порешили. Кое-как развели огонь.

– Если они ещё раз заметят нас, живыми нам не уйти. Но и по этой стороне реки идти не сможем: буераки одни, – Ник неотрывно смотрел на пламя.

– Завтра снова переберемся на ту сторону. Пойдём осторожнее, вот и все. Есть там по пути деревня какая?

– Да, но до неё целый день ходу. Только если завтра вечером приедем туда.

– Это лучше, чем ничего.

– А все-таки повезло, что мы на холмах были: гурдов ещё издали заметили... Застань они нас врасплох – не удрали бы.

Они перебрасывались короткими фразами до глубокой ночи, ни Джим, ни Ник так и не смогли уснуть, переживая случившееся снова и снова. Только Барт уснул почти моментально, в первый и последний раз за всю поездку доверившись Волгану.

Маза

С утра стал накрапывать дождик. Сильный ветер гнал чёрные тучи по мрачному серому небу.

– Вот так затянуло, буря, наверно, будет. Сир, вы уверены, что стоит переходить реку сейчас? – последние приготовления были завершены. Лошади, будто предчувствуя новый переход, недовольно фыркали и мотали головами.

– Да, нам нужно в деревню как можно быстрее. Я не собираюсь голодать. Как ты сказал она называется? – этот вопрос был адресован Нику.

– Маза, – пробубнил парень. Вчерашние слова Джима никак не уходили из головы. Волган понимал, что тот не хотел его обидеть, но ничего не мог поделать с собой. А тут он обнаружил пропажу и зло бросил: – Я и цепочку посеял. Чудесно. Пошли уже.

Вновь пробираясь через заросли кустарников, Джим внимательно смотрел по сторонам. До ужаса хотелось найти пропавшую цепочку чтобы хоть как-то загладить свою вину. Норвуд понимал, что Ника купить невозможно, но, может, он начнёт с ним разговаривать как раньше, а не отстраненно и холодно. Вода была ледяной. Сивый то и дело вставал на дыбы и громко ржал. Ник с трудом удерживал его за поводья. Уже пошёл крупный и холодный дождь, как осенний, а не летний. Канька все так же устрашающе бурлила. Джим посмотрел под ноги. Подвеска, четырехлистник, полузарытый в песок, лежала прямо рядом с ним. «Не может мне так везти», – подумал Норвуд, но нагнулся и поднял ее с земли.

– Ник, – парень обернулся, – я это... Нашёл, – и он протянул цепочку вперёд.

– Спасибо, – Ник, в первый раз за все утро улыбнулся. Это было хорошим знаком. Джим уже давно понял: если Волган улыбается, это никогда не притворно, а значит, у него хорошее настроение. Быстро посмотрев на цепочку, Ник понял, что одно звено лопнуло. Он снял с неё подвеску и положил цепочку с клевером в сумку.

Переправа оказалась труднее, чем вчера. Первым перебрался Ник, следом Барт. Джим пошёл последним. Где-то на середине реки Сивый встал, как вкопанный. Джим слез с коня, чудом сумев устоять на ногах. Ледяная вода окатила его с головой, но он лишь сильнее сжал узду.

– Ну, давай, идём. Чего встал-то? – Норвуд потянул коня за собой, и тот послушно медленно пошёл вперёд.

Уже у самого берега Сивый резко рванул вперёд, сбив Джима с ног. Вода понесла его вниз по течению, выбивая из-под ног камни, не давая встать. Сильный поток то и дело переворачивал его так, что Джим проехался по камням всем, чем только можно. В тот момент, когда Норвуд был готов попрощаться с жизнью, кто-то схватил его за ворот рубахи. Подняв голову над водой, Джим увидел Ника. Ствол упавшего, но все ещё держащегося корнями за землю дерева висел над водой. Именно за него держался Ник, обхватив его ногами и одной рукой, другой держал Джима.

– Если ты не прекратишь глазеть на меня и не начнешь лезть на это дерево, в воде мы окажемся оба.

Джим, удерживаемый Ником, упираясь в дно ослабевшими ногами, пытался схватить хоть одну ветку. Когда ему это все же удалось, и Норвуд, цепляясь за другие ветки, добрался до ствола, Ник отпустил его. Лишь оказавшись на твёрдой земле, Джим поблагодарил своего спасителя, а потом как-то виновато добавил:

– Сивый, наверно, просто такого потока испугался, – Ник уже не слушал, он подбежал к Норвуду.

– Ты не ранен? Кости целы? Руки, ноги не поломал? Как ты вообще умудрился шею не свернуть? – он говорил взволнованно, глотая слова, не переставая смотреть на спутника широко распахнутыми искренними глазами. – У тебя кровь...

– Просто царапина, Ник, успокойся, – Джим похлопал его по плечу, заглядывая в глаза. Паника ушла.

– Не пугай так больше, – Волган грустно усмехнулся.

Оставаться на одном месте больше было нельзя: промокшие от переправы и дождя, путники начали замерзать. Холодный ветер тепла не добавлял, поэтому, когда скакали вперёд, прижимались к конской шее. Тяжелее всего было Норвуду: скакать было больно, все тело болело, и парень уже предчувствовал многочисленные синяки. Дождь иногда переставал, но затянутое тучами небо ясно давало понять – скорого окончания начинающейся бури ждать не стоит.

К позднему вечеру добрались до Мазы. Деревушка жила только тем, что всегда принимала путников. Кто-то принимал их у себя в домах, кто-то организовывал в них таверны. В центре Мазы располагалась единственная гостиница, длинный двухэтажный срубовой дом. Как только подъехали к крыльцу, на него выскочила девушка, на ходу накидывая плащ. Она махнула рукой и сказала идти за ней. Девушка привела путников к конюшне. Несколько лошадей там уже были, тихо фыркали или жевали овес.

– Вот так льёт, как из ведра! Проходите вот сюда. Нет-нет, правее. Да, сюда, – она лениво ходила по конюшне и неохотно говорила, – Осторожнее! Там ведро висит.

Но несмотря на её предупреждение Ник все-таки задел его головой, чем вызвал тихий смех у девушки.

– Вам не больно? Нет? Ну и хорошо. Пошлите скорее в дом, папенька вас уж ждёт.

Хозяин был невысокий толстый средних лет мужчина. Он самодовольно улыбался в густую бороду, отросшую до груди.

– Здравствуйте, братки. Какими судьбами?

– Нам бы комнату, – зевая, ответил Джим.

– Комнату? Это-то можно. Одну, что ли? Как клопы будете там ютиться, – он раскати-сто рассмеялся, после этого несколько гостей за столами повернулась посмотреть на ново-прибывших.

– Одну, – невозмутимо прервал веселье Ник, – И можно прямо сейчас? Мы не спали два дня, за нами была погоня, хотелось бы поспать.

– Гурды гнались? Завтра мы поговорим, расскажите. А сейчас... – не дождавшись никакой реакции, продолжил уже не притворно добродушно, а раздраженно, – Ну, чего зыркаешь? Платить будешь али нет?

– Деньги-то, Ник, размокли все, – шепотом сказал Джим, наклоняясь к Волгану. Тот обреченно посмотрел на него, виновато улыбнулся и предложил:

– Может, завтра?

– Завтра? А жить вы тоже тут завтра собираетесь? А лошади ваши тоже завтра только овес получают? Не-е, сначала заплати, потом живи. А раз денег нет, идите отсюда. Ари! Выводи их лошадей, пуцай идут в шею! – он крепко выругался и собирался было уйти, но Ник его окликнул:

– Я могу отработать.

– Да? – мужчина задумался. Бесплатная рабочая сила его манила, тем более свободных комнат было много, и он ничего бы не потерял. Тут он снова самодовольно ухмыльнулся, – Ну что же... Ари!

– Да, папенька? – та же девушка, проводившая их к конюшне, быстро подошла к хозяину гостиницы.

– Видишь этого парнишку? Дай ему ведро и тряпку, – и уже к Волгану обратился, – Вымоешь полы, посуду, и можешь быть свободен. А дружки твои пушай в комнату идут. Ари, проводи их.

Ник заявился в комнату уже после полуночи. Джим и Барт ещё не спали. Они разложили деньги на полу и тщетно пытались их высушить. В комнате была одна кровать, лавка и куча сена в углу. И Ник почему-то сразу понял, что на сене будет спать именно он: Джим, как богатенький сынок торговца, – на кровати; на лавке – Барт. В его возрасте точно спать не на полу.

– Ты в порядке?

Ник мог поклясться, что уловил в голосе Джима нотки волнения и заботы. Но потом ему пришло в голову, что он просто напридумывал все это. Волган только кивнул, прошёл к сему и упал на него без сил, даже не переодеваясь. Все тело болело. О таком приспособлении, как швабра, в гостинице явно не слышали, а пол последний раз мыли лет пятьдесят назад. От ледяной воды сводило руки, пьяные посетители либо специально что-нибудь проливали на пол, либо пытались облапать ползающего на четвереньках Ника. В итоге Волган врезал промеж глаз мужику, которому это удалось. В наказание мыл и второй этаж. С посудой было попроще: ее было мало. После всех трудов хозяин, которого, как оказалось, все тут зовут Вурс, заставил парня извиняться перед Джурдом, тем извращенцем. Такого унижения Ник ещё никогда не испытывал. Волган еле удержался от того, чтобы его не избить, лоя на себе его пьяный, полный желания взгляд. От отвращения чуть не стошнило. И Ник поклялся, во что бы то ни стало, отомстить им всем: и Вурсу, и пьяному мужику, и Ари, которая постоянно ходила и издевательски смеялась.

– Всё, не будить, не кантовать, при пожаре выносить первым, – Ник вскоре уснул, но и во сне его преследовали все эти ненавистные лица. Ему снился Ларс, так же издевающийся над ним. Пару раз он просыпался, улавливал тихое сопение Джима, негромкий храп Барта и, успокоенный, снова засыпал.

Разбудил всех троих громкий стук в дверь. Это была Ари, спрашивала, пойдут ли они на завтрак. Получив отказ, удалилась. Ник зевнул и посмотрел на Джима. Тишину взорвал громкий смех Волгана. Как ни старался Ник, успокоиться не получалось.

– Что смешного? Барт? – тут и мужчина мельком глянул на парня и тихо усмехнулся, – Что вообще происходит?

– Знаешь, давай волосы твоиотрежем? Тебе так будет лучше, правда.

Джим посмотрел на своё отражение на окне да так и застыл. Волосы растрепались, расчесать огромные колтуны не предоставлялось возможным. Голова его сейчас больше напоминала соломенное гнездо.

– Ототрежем? С ума сошёл? – без своей обычной озлобленности проговорил Джим.

– А что ты с ними сделаешь? Все равно не расчешешь.

– Сир, боюсь, он прав.

Через пятнадцать минут Джим согласился. Ещё через десять минут переодетый, наконец, в сухое и взявший у Джима несколько монет Ник ушёл искать хозяина. Вурс о чем-то беседовал с одним из постояльцев. Заметив издали Волгана, он махнул ему рукой.

– Чего тебе ещё?

– Ножницы есть?

– На что они тебе? – глаза мужчины округлились от удивления.

– Если спрашиваю, значит, надо, – с лёгкой улыбкой сказал Ник, протягивая монеты.

– О как! Ну что ж... Идём.

Небольшая комнатка, используемая как кладовая, была уставлена бочками, вилами, и другими вещами. На небольшом столике расположилась каменная шкатулка, наполненная различными украшениями. Внимание Ника привлек висящий на стене кинжал. Длинное

лезвие слегка потемнело от времени, рукоятка из резного рога, на которой красовалась рука, держащая цилиндр со свитком, притягивала взгляд...

– Та-дам! – Ник распахнул дверь, показывая Джиму большие, начинающие ржаветь, ножницы, – Барта нет?

– Нет, – даже не поднимая взгляда от пола, ответил парень.

– Что за кислое лицо? Я и то в хорошем настроении! Кстати, мы сегодня никуда не едем, – Волган плюхнулся на кровать рядом с товарищем. В ответ на удивленный взгляд сказал: – Там снова дождь начинается. Вы деньги высушили? Да? Ну, они нам все равно не понадобятся.

– Ой ли? – Джим недоверчиво посмотрел на Волгана, странно обнимающего живот. – Боже, Ник, что ты стащил?

– Почему сразу стащил? Он ему все равно не нужен. Висел там, паутиной покрывался. Держу пари, Вурс даже не заметит, – на молчаливый упрек он лишь вытащил из-под рубахи тот самый кинжал. – Смотри, какой он хороший. Даже не затупился со временем...

Джим притворно устало вздохнул и отвернулся, чтобы Ник не увидел лёгкой улыбки.

– Стриги уже. И да, Барту лучше не знать.

Спустя примерно час Джим внимательно рассматривал своё отражение и не мог узнать себя. Лицо теперь было открыто, яркие глаза были ещё более заметны, даже небольшую родинку на правом виске сейчас было отлично видно.

– Я будто голый, – с сокрушением проговорил Норвуд, – какой кошмар.

– Неровно что ль? Вроде нормально, – Ник весело потрепал Джима по голове. Волосы были чуть подлиннее, чем у него самого. – Тебе так лучше, а то вообще как девчонка был.

Несколько минут сидели молча. По окнам и крыше забарабанил дождь, сильный ветер гнул деревья. Ник тихо сидел на лавке в углу, надевая серебряный клевер на новую толстую цепочку, естественно, украденную из кладовой Вурса. Джим даже спрашивать не стал, откуда она. Ближе к ночи, когда началась гроза, пришёл пьяный в тесто, как выразился Волган, Барт. Насилу уложив безвольное тело на кровать и накрыв его одеялом, ребята сели на пол возле окна и молча наблюдали, как сквозь дырявую крышу вода капает на кучу сена в углу.

– Прямо как дома... – после громкого раската грома сказал Ник. Его захлестнуло чувство одиночества и беспомощности. Джим почувствовал, что парень хочет что-то рассказать, но никак не решается. Не зная, как подтолкнуть его к беседе, Норвуд посмотрел на своего нового товарища. Вспыхнула молния, комната на миг осветилась. В глаза снова бросился уродливый шрам, делающий приятное и красивое лицо отталкивающим.

– Откуда у тебя этот шрам? – всё-таки решился спросить Джим.

– Наказали, – отрезал Ник.

– За что так-то?

– А ни за что! Просто так! Взяли и разрезали всю щеку! – в на секунду освещённой комнате яростно сверкнули серые глаза, – Прямо на глазах заливающихся слезами Элинки и Лори.

– Просто так людей не режут... – только через секунду Норвуд понял, что сказал это вслух.

– Они думали, я убил человека. А я не убивал! Жизнью клянусь, я не убивал! Верить? Джим, скажи, ты веришь мне? – Ник больно стиснул его плечо, заглядывая в глаза. И, смотря будто в детские, наивные глаза, полные надежды, Джим смог сказать только:

– Верю.

– Чуть не зарубили тогда, представляешь? Почему отпустили, не понимаю.

Они проговорили до рассвета, но о прошлом Ника Джим не услышал больше ни слова.

Чтобы разбудить Барта, пришлось вылить на него ведро холодной воды. Собирались под тихую ругань мужчины. Ребята решили выехать ближе к полудню. Ветер гнал тучи на юг, а ехать нужно было на север, поэтому дождь больше не мог накрыть их.

– Нужно еды купить, – задумчиво сказал Джим.

– Бери, что хочешь: я плачу, – Ник взглядом указал на кинжал, который каким-то чудом не был замечен Бартом. Норвуд подошёл к Волгану и тихо, чтобы мужчина не услышал, сказал:

– Только без резни.

– Обижаешь! Я только напугаю.

Ари суетливо бегала, собирала необходимую путникам еду. Вурс радостно улыбался, предчувствуя хорошую прибыль. Парни уже вывели из конюшни лошадей, поправили поводья и седла.

– Расплатиться теперь не плохо бы, – говорил Вурс, когда нагруженные едой сумки прикрепили к седлам.

– Обожди, успеем, – усмехнувшись, ответил Ник. Как только Джим и Барт сели на лошадей, Волган дал поводья Джиму. – Иди сюда.

Когда ничего не подозревающий Вурс подошёл, Ник отдал ему несколько купюр. Рядом с крыльцом стоял Джурд. По веселым огонькам в глазах Волгана Джим понял, что ничего хорошего сейчас не произойдёт. Как только удовлетворённый, Вурс отвернулся, Ник выхватил из-за пояса кинжал и приставил его к горлу мужчины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.